

СРАЖАЮТСЯ МУЖЕСТВЕННО И СМЕЛО

В беседе со Станиславом Карповым, бойцом батальона имени Героя России Александра Доставалова, из первых уст узнали о контрактной службе, противнике и перспективах спецоперации.

Отправился на помощь Донбассу

— Станислав, расскажите о себе.

— Родился и учился в Нефтекамске. Потом с семьей переехали в Бирск. Здесь прожил всю сознательную жизнь. 29 полных лет.

— Кто по образованию?

— Окончил военный университет министерства обороны Российской Федерации. Переводчик с фарси и дари.

— С чего началась ваша служба?

— Сначала срочка в 2011 году, потом заключил контракт. Служил в разведывательном подразделении батальона особого назначения. В 2016 году контракт закончился. Командование не желало отправлять в Сирию, поэтому из армии ушел.

— Военное образование как-то повлияло на решение участия в спецоперации?

— Отправился чисто из патриотических побуждений. Хотелось как-то помочь жителям Донбасса. Поспособствовать по своим силам, внести свой вклад. На СВО с июля прошлого года. По званию лейтенант.

— Где проходили службу?

— Практически во всех присоединенных регионах: ДНР, ЛНР, Запорожской области, частично Херсонской.

— Сейчас на восстановлении?

— Да. В марте вернулся по ранению.

— Какое отношение у местных к российским бойцам?

— Везде по-разному. Жители ДНР все обнимают, подкармливают. Пожилые спрашивают: «Что вам надо, солдатики?» А вот в Запорожской, Херсонской областях настроены уже неоднозначно.

— Наши ребята на передовой справляются?

— Конечно. Мужественно и смело. В основном все держится на патриотизме. Многие думают, что туда в основном идут зарабатывать деньги. Это неправда. Таких там нет. Если и приезжают с таким намерением, то в первую же неделю взгляды меняют кардинально.

— Что морально помогает на передовой?

— В подразделении, где служил, это содружество, дух землячества. Все были из Башкирии. Также огромная отдушина — письма из дома. Некоторые и отвечать стараются.

— Будучи дома, ощущаете поддержку населения?

— Не все понимают, что где-то их соотечественники каждый день под пулями и обстрелом. Не хотят принять, что все происходит совсем близко. Отстраняются от действительности. Если население не будет вовлечено, то есть вероятность, что конфликт может прийти и сюда.

— Чем страшно все происходящее?

— Тем, что рано или поздно деньги у Запада кончатся. Они начнут помогать живой силой. Когда это произойдет, и, не дай бог, вступят в открытое противостояние, станет гораздо тяжелее. Все-таки блок НАТО, как бы плохо о нем ни говорили, мощная военная сила. А рано или поздно это случится. Наша задача — опередить их. Для этого нужна помощь всей страны,

а не только ребят, которые на передовой. Должна быть поддержка от народа. Моральная в первую очередь. Чтобы не думали солдаты, что все зря. Чем крепче тыл окажется, тем быстрее и качественнее выполним задачу.

— Что скажете о противнике?

— Обучены и хорошо подготовлены. Давно воюют. С 2014 года опыта уже набрались. Особенно артиллерийские войска. Знают тактику, бьют хорошо и точно.

— Говорят, что мы противостояем самим себе?

— По сути, у нас гражданская война, развязанная извне. Там такие же мобилизованные ребята. Не берем в расчет националистические батальоны, наемников. Простых ребят схватили, в форму одели, в окоп бросили и сказали: «Идите с русскими войска». Они не хотят. Если с нашей стороны идет атака, некоторые из них встают, оружие бросают и убегают. Думаю, они в глубине души тоже понимают, что мы один народ.

— В плен многие сдаются?

— Лично один раз только видел. И то человек не просто сдался, а забрел не туда. А так, по рассказам сослуживцев, бывает. От нежелания воевать, от принуждения. Вместо мотивации командование ВСУ использует какие-то радикальные методы.

— Наемников много?

— Очень. С разных стран. Лично с польскими, немецкими, прибалтийскими сталкивался.

«На амбразуру никого не бросают»

— СВО можно сравнить с каким-то другим военным противостоянием?

— Со Второй мировой, пожалуй. Остальные — обычные локальные конфликты. Общался со многими ребятами, которые Чечню прошли и Афганистан застали. Говорят, что спецоперация была там, а здесь — гораздо серьезнее. Девяносто процентов жизни солдата на СВО проходит под обстрелом. Прямых столкновений не особо много — идет позиционная война.

— В контексте событий это правильно?

— На амбразуру никого не бросают. Если есть возможность провести какие-то атакующие действия с минимальными потерями — проводят. Если имеются риски — ребята сидят и держат оборону. Нашим высшим военным руководством ведется политика сохранения в первую очередь жизни военнослужащих.

— Есть предположения, когда все закончится?

— Такие прогнозы давать боюсь. Это долгосрочная перспектива. Лучше специальная военная операция на определенный период, чем война за два месяца, которая унесет жизни миллионов. Мы можем взять Киев за три дня. И Полтаву. И границу свою до Польши отодвинуть... Запросто! Вопрос лишь в том, какой ценой? Сейчас у нас правильная политика — лучше СВО, чем полномасштабные военные действия. Все направлено на сохранение жизни людей, военнослужащих. Это самое ценное, что в армии есть. Поэтому мы никуда не торопимся.

— Как доказать человеку, что СВО — это необходимость?